

пожалѣли мерзлыхъ французовъ. Потомъ, какъ перешли мы границу, и нѣмцы, что противъ насъ были, повернули за насъ, кто-то вспомнилъ нѣмца, стоявшаго въ комнатѣ. «А, вы такъ-то? то на насъ, а какъ сила не беретъ, такъ съ нами?» и вдругъ все поднялись и начали ухать на нѣмца такъ, что гулъ на улицѣ былъ слышенъ».

Нѣмецъ-посѣтитель упрекнулъ Толстого въ томъ, что рассказъ его былъ слишкомъ одностороненъ, и Толстой согласился съ нимъ. Но расскажи онъ о коварной политикѣ Александра по отношенію къ Пруссіи и о его жестокости къ Польшѣ, то мальчики не стали бы и слушать. Волей-неволей ему приходилось сочинять сказку и называть ее исторіей. И волей-неволей приходится пятиться назадъ при попыткѣ обученія отечественной исторіи въ школахъ. Волей-неволей приходится лгать въ учебникахъ и на урокахъ, т.-е. пускать въ ходъ пріемъ, который едва ли можетъ найти для себя какое-либо оправданіе.

Американская исторія, конечно, интереснѣе русской. Переселеніе отцовъ пилигримовъ ради религіозной свободы, отказъ платить несправедливый налогъ на чай, уничтоженіе рабства—все это такія событія, которыми легко можно бы было воспользоваться для высоко-нравственныхъ уроковъ, но никто не пользуется ими такимъ образомъ. Недостатки національныхъ героевъ скрываются, характеръ враговъ представляется въ самомъ отвратительномъ видѣ и на всю исторію кладутъ отпечатокъ лжи. Можно подняться до такой любви къ человѣчеству, что простой патриотизмъ станетъ казаться уже безнравственнымъ. Возможно, что обыкновенному ребенку не по силамъ будетъ достигнуть этого уровня. Но все же мнѣ думается, стоило бы помочь ему въ этомъ дѣлѣ, а патриотизма у него отъ природы достаточно, и совсѣмъ нѣтъ надобности возбуждать его разными уловками и несправедливой оцѣнкой людей.

Если ребенокъ долженъ учиться исторіи своей страны, то пусть это будетъ правдивая исторія, и пусть, хотя бы съ